

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (7)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мельникова О.М.</i> Историографические размышления в связи с юбилеем В.Ф. Генинга	6
<i>Голдина Р.Д.</i> В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье	26
<i>Черных Е.М.</i> О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века)	46
<i>Журавлева Г.Н.</i> Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга	69
<i>Лецинская Н.А.</i> «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки	92
<i>Останина Т.И.</i> Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру	114
<i>Руденко К.А.</i> В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии	136
<i>Шутова Н.И.</i> Археолого-этнографические исследования в Удмуртии	149
<i>Овчинникова Б.Б.</i> Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года)	166
<i>Макаров Л.Д.</i> В.Ф. Генинг и русские памятники Вятского края	194
<i>Смагулов Е.А.</i> Бронзовый амулет из Сидака	206
<i>Владимиров Г.В.</i> Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения	223
<i>Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.</i> К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V	233

Археология и естественные науки

<i>Колода В.В., Чендев Ю.Г., Борбукова Д.А., Дудин Д.И.</i> Эволюция почв и природной среды на южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области)	247
---	-----

Критика и библиография

- Богачев А.В.* Рец. на: Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск, 2012. 472 с., илл. 268
-

Хроника

- Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году 275
- Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014) 284
- Казаков Е.П., Измайлов И.Л.* Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014) 287
- Список сокращений 291
- Правила для авторов 293

CONTENTS

Articles

<i>Melnikova O.M.</i> Historiographical thoughts in connection with the anniversary of Vladimir Fedorovich Gening	6
<i>Goldina R.D.</i> V.F. Gening and research problems of the glyadenovo- pyanoborye times in the Cis-Urals region	26
<i>Chernykh E.M.</i> On the dwellings of the Glyadenovskaya culture and some aspects of adaptation to natural conditions and features of economic activities by the ancient Permians (back to V.F. Gening's researches during the middle of XX century)	46
<i>Zhuravleva G.N.</i> Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations	69
<i>Leshchinskaya N.A.</i> «Sacrificial sets» of the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka river basin	92
<i>Ostanina T.I.</i> Evolution of V.F. Gening's views and other researcher's ones on the Mazuninskaya culture	114
<i>Rudenko K.A.</i> V.F. Gening and issues on the archaeology of Volga Bulgaria	136
<i>Shutova N.I.</i> Archaeological-ethnological researches in Udmurtia	149
<i>Ovchinnikova B.B.</i> Isker – Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968)	166
<i>Makarov L.D.</i> V.F. Gening and Russian archaeological sites in the Vyatka river region	194
<i>Smagulov E.A.</i> Bronze amulet from Sidak	206
<i>Vladimirov G.V.</i> Question mark shaped earrings from Danube Bulgaria (the XIII–XIV cc.): origin and area of spread	223
<i>Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arkhangelsky M.S., Pavlenko Ju.A., Sheremet'ev A.G.</i> Concerning the issue on attribution of the Golden Horde placues from the mound ground the Malyaevka-V	233

Archaeology and Natural Sciences

<i>Koloda V.V., Chendev Yu.G., Borbukova D.A., Dudin D.I.</i> Evolution of soils and natural environment in the south area of the east european forest-steppe (on example investigation of the hill-forts located in Kharkov oblast)	247
--	-----

Critique and Bibliography

Bogachev A.V. Review of the book:

Goldina R.D. The Nevolino cemetery of the VII–IX cc.
in the Perm Cis-Urals region. Proceedings and researches
of the Kama-Vyatka archaeological expedition.

Izhevsk, 2012, vol. 21, 472 p., ill. 268

Chronicle

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Research activity by National Center
of Archaeological studies of Institute of History of

Tatarstan Academy of Sciences in 2013 275

*Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G., Aydarova G.N.,
Zabirova F.M., Nugmanova G.G., Khabibulin M.M.*

In memory of S.S. Aydarov (1928–2014) 284

Kazakov E.P., Izmaylov I.L.

Ravil Gabdrakhmanovich Fakhрутdinov (1937–2014) 287

List of abbreviations 291

Rules for authors 293

УДК 903.5(470.51)"00/04"(045)

**«ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ» ПЬЯНОБОРСКИХ
МОГИЛЬНИКОВ БАССЕЙНА р. ВЯТКИ***

© 2014 г. Н.А. Лещинская

Объектом исследования в статье выступает четко фиксируемый элемент погребальных традиций финно-угорских культур с раннего железного века до развитого средневековья, обозначенный В.Ф. Генингом понятием «жертвенный комплекс». Дается характеристика основных признаков «жертвенных комплексов», зафиксированных в пьяноборских могильниках I–V вв. н.э. в бассейне р. Вятки. Проводится сравнительный анализ с синхронными памятниками Камско-Вятско-Волжского междуречья. Само словосочетание «жертвенный комплекс» используется в статье как описательный термин. Автором отмечается многоплановость семантического содержания этого понятия применительно к вятским материалам.

Ключевые слова: археология, бассейн р. Вятки, I–V вв. н.э., пьяноборская культурно-историческая общность, могильники, погребальный обряд, «жертвенные комплексы».

Древняя и средневековая история Вятского края неразрывно связана с именем В.Ф. Генинга. В середине 50-х гг. XX столетия, возглавляя Удмуртскую археологическую экспедицию, одним из перспективных направлений исследований он видит обследование р. Вятки с целью выявления места археологических памятников региона в схеме развития древнеудмуртского этнического массива. Раскопки в это время Азелинского, Суворовского могильников, первые материалы исследования Буйского городища послужили основой для авторской концепции истоков происхождения вятских памятников азелинского типа, осо-

бенностей формирования и развития материальной культуры, погребальной обрядности, уровня социально-общественного развития, форм проявления эпохи великого переселения народов и многих других аспектов, не утративших актуальность и сейчас (Лещинская, 2000). Одной из частных тем, введенных В.Ф. Генингом в научную дискуссию о позднепьяноборском этапе древностей Камско-Вятского междуречья, стала объяснительная схема часто фиксируемого в древней погребальной практике обычая помещения части вещей компактным скоплением, иногда в контейнере, в определенной части могильной ямы. В.Ф. Генинг не только вводит понятие «жертвенный комплекс», но и предлагает первые трактовки его как элемента обрядовых погребальных действий, имеющих ритуальный характер (Генинг, 1967, с. 15–17). По-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

нятие «жертвенный комплекс» широко входит в научную практику, но содержание понятия, его семантическое поле до сих пор до конца еще не разработано. Это отражает и появление альтернативных понятий в литературе: «подарочные наборы» (Голдина, 1999, с. 215; Голдина, Бернц, 2010, с. 80), «дары», «погребения с дарами» (Белоцерковская, 1997; Ошибкина, 2010, с. 40), «жертвенно-ритуальные комплексы» (Никитина, 2002, с. 76).

В системе погребальных традиций населения бассейна р. Вятки в пьяноборскую эпоху жертвенные комплексы являются также четко фиксируемым элементом. При характеристике его по вятским пьяноборским могильникам будет использоваться словосочетание «жертвенный комплекс» (ЖК) как описательный, а не содержательный термин.

Археологическая карта вятского локального варианта пьяноборской культурно-исторической общности на сегодняшний день насчитывает 17 погребальных памятников с 413 изученными захоронениями кон. I – V в. н.э. (рис. 1). Возможностью для анализа погребальной практики по признаку ЖК обладает выборка из 411 погребений 11 некрополей. В ней ЖК зафиксированы в 19 захоронениях, что составляет 4,6%. При этом ЖК не встречены в 6 могильниках: Городищенском, Воробьевском, Кордон, Азелинском, Вичмарском, Уржумском (табл. I). Среди некрополей с ЖК наибольший процент их встречаемости наблюдается в Ошкинском могильнике (15,6%), значительно меньше показатели для Тюм-Тюмского (9%) и Суворовского (6,5%) некрополей. Самое небольшое количество погребений с ЖК зафиксировано для Первомайского (1,3%)

и Худяковского (3,3%) могильников. Однако относительно Худяковского могильника стоит сделать несколько замечаний. На памятнике погребений со скоплением вещей фиксируется больше, чем учтено в статистике по ЖК. Помимо последних, такие скопления инвентаря есть, по крайней мере, еще в 3-х захоронениях (пп.56, 76, 106) с обрядом частичной кремации. Специфика размещения инвентаря в этих захоронениях состоит в том, что элементы погребального костюма умершего или орудия труда складывались компактно и не всегда их можно однозначно интерпретировать как ЖК.

Анализ распределения погребений с ЖК по хронологическим периодам (Лещинская, 2012) выявил следующую ситуацию (табл. II). Из 19 захоронений с ЖК кон. II – нач. III в. относятся 4 (21,1%), и все они происходят из Ошкинского могильника (пп.12, 26, 28, 30). В III в. процент встречаемости ЖК в погребениях – 26,3% (5 погребений – Ошкинский могильник: п.14; Худяковский могильник: пп.1, 84, 88, 100). Для позднего пьяноборья (IV – нач. V вв.) этот процент в целом составляет уже 52,6% (10 погребений – Суворовский могильник: пп.5, 28; Тюм-Тюмский могильник: пп.33, 45, 79, 94, 102, 134, 141; Первомайский могильник: п.1). При этом пик встречаемости ЖК в этих погребениях приходится на IV в. (скорее всего, без последней четверти) – 8 захоронений из 10 (42,1% из 52,6%).

Учитывая, что в позднепьяноборское время бассейн р. Вятки – это лишь часть общего этнокультурного пространства, включающего памятники азелинского типа Нижней Камы и левобережья марийского течения

р. Волги, представляет интерес сопоставление локальных территорий «азелинской ойкумены» по основным признакам ЖК. Что касается степени встречаемости захоронений с ЖК на нижекамских могильниках, то с учетом опубликованного материала – это 6 захоронений из 101 (пп.8, 23, 33, 73, 173, 235) на Рождественском V некрополе (Старостин, 2009), одно (п.10) из 15 погребений Нармонского могильника (Старостин, 2002), одно (п.30) из 7 захоронений Тетюшского II могильника (Бугров, 2004; Казаков, 2009), что в целом составляет 6,5%. В поволжской группе – это одно захоронение (Мари-Луговской могильник: п.40) из 123 погребений 4 опубликованных могильников – 0,8% (Халиков, 1962, с. 171, 172; Никитина, 1999). Учитывая, что в этих территориальных группах азелинских памятников погребения с ЖК относятся в основном к IV в., то было бы корректнее сравнение производить с вятской группой погребений с ЖК этого же времени: 10 погребений из 229 (табл. I) – 4,4%. Как видно, степень встречаемости ЖК в погребениях нижекамского варианта чуть выше, но в целом близка к вятским показателям. Этот вывод подтверждают и сравнительные параллели по отдельным памятникам: Рождественский V, Нармонский могильники – 6 и 6,7% соответственно к вятским Суворовскому и Тюм-Тюмскому могильникам – 6,5% и 9%. Значительно снижены показатели встречаемости ЖК в азелинских могильниках марийского течения р.Волги.

Практически абсолютное большинство захоронений с ЖК вятской группы осуществлено по способу ингумации, за исключением п.1 Ху-

дяковского могильника, где зафиксирован обряд частичной кремации. Корреляция ЖК с ингумацией – норма для всех территорий распространения памятников азелинского типа.

Большая часть захоронений (15–78,9%) содержит по 1 ЖК, только в 3 погребениях обнаружено по 2 ЖК (15,8%) и одно парное погребение включало 3 ЖК (5,3%). В целом в 19 вятских погребениях зафиксировано 24 ЖК (табл. II).

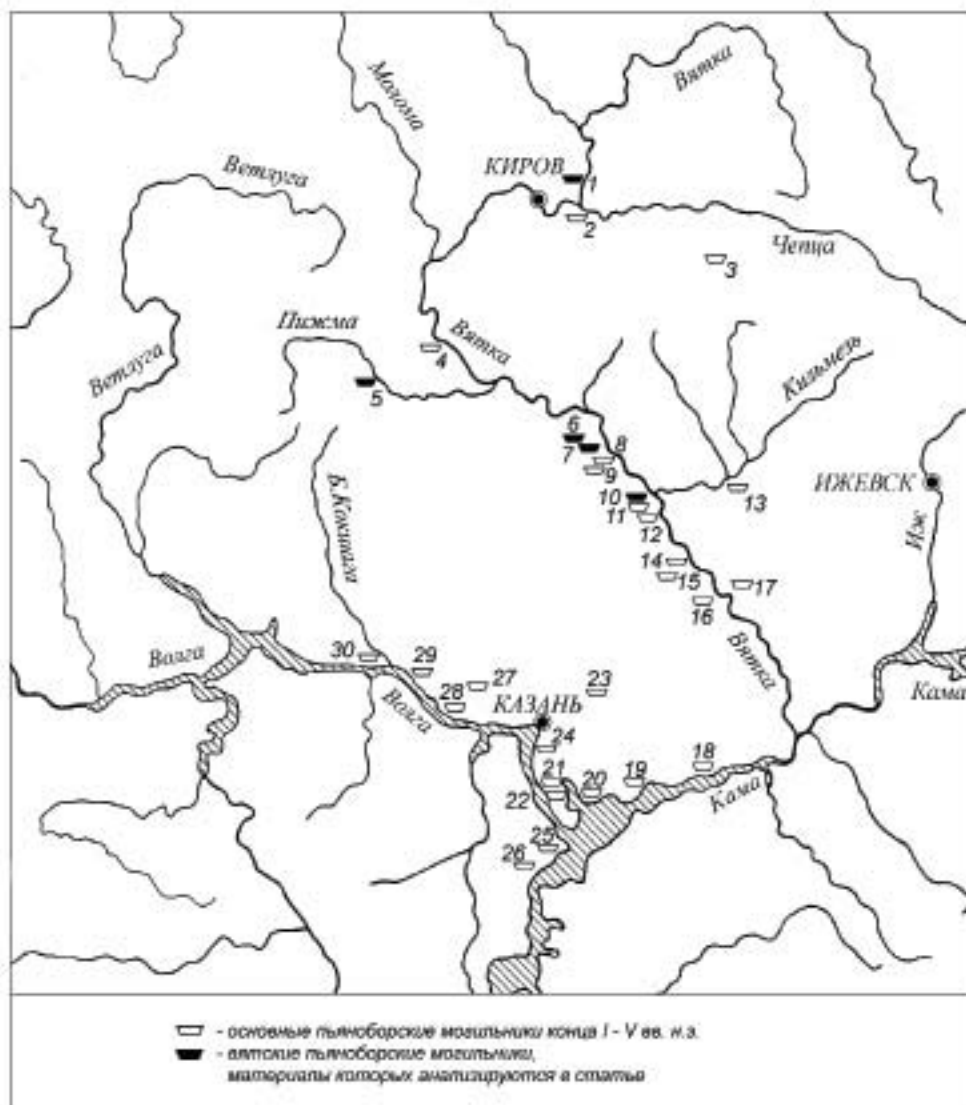
Тип контейнера ЖК удалось определить в 19 случаях (табл. II). Наиболее традиционной формой контейнера выступает берестяная емкость. Обнаруженная в 9 ЖК (47,3% при показателе исчисления 19) вятских могильников, она абсолютно преобладает в погребениях с ЖК на нижекамских азелинских могильниках. Берестяная емкость для ЖК, зафиксированная на Вятке с рубежа II–III вв. (Ошкинский могильник: п.30), характерна затем для всех последующих хронологических периодов. Конструктивные особенности берестяных контейнеров прочтываются плохо, как правило, мы имеем дело только с их фрагментами, но безусловно их форма и размеры зависели от типа и количества инвентаря ЖК. Чаще изготавливались берестяные коробочки, коробка. Большое разнообразие форм берестяных контейнеров характерно для Тюм-Тюмского могильника. Автор раскопок – С.В. Ошибкина – отмечала находки емкости из бересты по типу кошеля с тканью внутри (п.79); принцип заворачивания предметов ЖК в ткань и бересту (п.134), при этом в единичных случаях береста могла заменяться лубом (п.94В); сочетание с берестой таких материалов как кожа и мех (п.45) (Ошибкина, 2010, с. 18, 24, 28, 34).

Оригинальным типом контейнера для ЖК в погребениях II в. Ошкинско-го могильника (пп.26, 28; рис. 2) выступали крупные перевернутые эполетообразные застежки (Лещинская, 2000а, рис. 24–28). В более позднее время (IV в.) такой контейнер зафиксирован лишь в единственном случае в п.33 Тюм-Тюмского могильника (Ошибкина, 2010, с. 13, рис. 7). В целом по отношению к общему количеству комплексов с контейнерами ЖК в эполетообразных застежках составляли 15,8%. В таком же процентном соотношении в погребениях III–IV вв. (Ошкинский могильник: пп.12, 14; Тюм-Тюмский могильник: п.141) встречаются кожаные емкости (по типу мешочка или кошель) для ЖК (Лещинская, 2000 а, с. 15, 16, рис. 11, 13; Ошибкина, 2010, с. 35). В двух случаях (10,5%) вещи заворачивались в ткань (Первомайский могильник: п.1; Тюм-Тюмский могильник: п.102) (Ошибкина, 2010, с. 29). Уникален принцип ограничения пространства для ЖК в форме прямоугольника, выложенного из 11 боевых топоров с находками внутри кожаных поясов с бронзовой гарнитурой, бисера и инструментария ювелира (п.94А) (Ошибкина, 2010, с. 27). Сравнивая по этому признаку ЖК вятские памятники с нижнекамскими, где зафиксирован один тип контейнера – берестяная емкость, можно констатировать большее разнообразие здесь форм контейнеров.

Местоположение ЖК в погребениях определено в 19 случаях (табл. Па). Для вятских пьяноборских могильников более выражена тенденция размещения ЖК в области ног (10 случаев – 52,6%). При этом в погребениях II в. ЖК чаще встречаются в области ног справа (Ошкинский могильник: п.12),

слева (Ошкинский могильник: п.26), между ног (Ошкинский могильник: п.28) на уровне колен и костей голени (рис. 2). С III в. преобладает позиция ЖК в ногах (Худяковский могильник: п.88; рис. 3; Тюм-Тюмский могильник: пп.94В, 102; Суворовский могильник: п.28). Значительно реже (5 случаев – 26,3%) ЖК зафиксированы в области пояса, костей таза в погребениях, преимущественно, IV в. (Тюм-Тюмский могильник: пп.45, 79, 134, 141; Худяковский могильник: п.84) и только для двух погребений (4 ЖК – 21,1%) III–IV вв. характерно размещение ЖК в области головы: справа/слева (Ошкинский могильник: п.14) и в изголовье (Суворовский могильник: п.5). Такая же тенденция в размещении ЖК относительно костяка проявляется и для 8 погребений с ЖК на нижнекамских азелинских могильниках: 5 – в области ног (Рождественский V могильник: пп.33, 73, 235; Нармонский могильник: п.10; Тетюшский II могильник: п.30), 2 – в области головы (Рождественский V могильник: пп.8, 173), 1 – в области пояса (Рождественский V могильник: п.23). Жесткой корреляции местоположения ЖК с определенным типом контейнера нет. Не прослеживается и своеобразие женских и мужских погребений с ЖК по этому признаку.

Антропологическая характеристика захоронений с ЖК в связи с небольшим количеством антропологических определений в основном основывается на особенностях погребального инвентаря. С этим обстоятельством связаны затруднения в интерпретации некоторых погребений. Так, например, в п.88 Худяковского могильника зафиксированы 2 ЖК, один из которых содержит комплекс вещей,

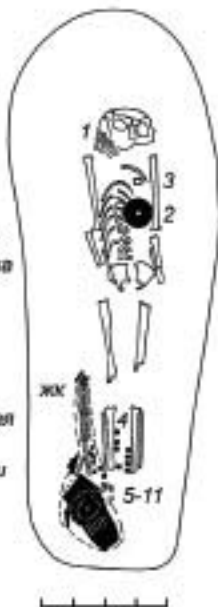
Рис. 1. Карта-схема распространения основных пьяноборских погребальных памятников конца I – V вв. н.э. Камско-Вятско-Волжского междуречья.

Бассейн р. Вятки: 1 – Первомайский м-к; 2 – Баевский м-к; 3 – Городищенский м-к; 4 – Кошкинский м-к; 5 – Худяковский м-к; 6 – Суворовский м-к; 7 – Ошкинский м-к; 8 – Красный Ключ м-к; 9 – Уржумский м-к; 10 – Тюм-Тюмский м-к; 11 – Воробьевский м-к; 12 – Хлюпинский м-к; 13 – Вичмарский м-к; 14 – Сунцевский м-к; 15 – Азелинский м-к; 16 – Атамановы Кости м-к; 17 – Кордон м-к.

Бассейн Нижней Камы: 18 – Гремячкинский м-к; 19 – Масловский м-к; 20 – Усть-Брынский м-к; 21 – Нармонский м-к; 22 – Рождественский V м-к; 23 – Айшинский м-к; 24 – Казанский I (старый стекольный завод) м-к; 25 – Сюкеевский м-к; 26 – Тетюшский II м-к. **Марийское течение р. Волги:** 27 – Лушморский м-к; 28 – Мари-Луговой м-к; 29 – Арзобелякский м-к; 30 – Уржумкинский м-к

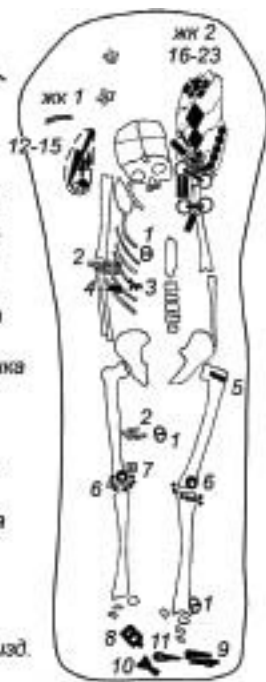
п. 12

- Погребальный инвентарь:**
 1 - височные подвески
 2 - бляха-застежка
 3 - бронзовая бусина
 4 - бляшки
Состав ЖК:
 5 - подвески
 6 - бисер
 7 - бусина
 8 - эполетообразная застежка
 9 - нагрудные бляшки
 10 - нож
 11 - пронизки

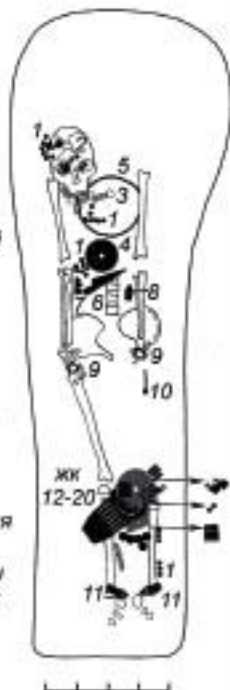
п. 14

- Погребальный инвентарь:**
 1 - пряжка
 2 - пронизки
 3 - коньковая подвеска
 4 - фрагмент фибулы
 5 - подвеска-костылек
 6 - бляхи, бляшки
 7 - костяная накладка
 8 - костяная застежка
 9 - наконечники копий
 10 - костяная лопаточка
 11 - топор
Состав ЖК 1:
 12 - нож
 13 - жел. нак-ки стрел
 14 - железная пряжка
 15 - железная накладка
Состав ЖК 2:
 16-22 - элементы конской упряжки: накладки-зажимы фр-ты железных изд. накладки-бляхи удила пряжки бронз. пронизки-бусы накладки
 23 - нож

п. 28

- Погребальный инвентарь:**
 1 - бляшки
 2 - шейные подвески
 3 - височные подвески
 4 - бляха-застежка
 5 - арена
 6 - нож
 7,8 - фр-ты изделий
 9 - перстни
 10 - изальник?
 11 - застежки
Состав ЖК:
 12 - бляха
 13 - бляха-накладка
 14 - бронзовые бусы
 15 - многочастные бляшки
 16 - пронизки
 17 - эполетообразная застежка
 18 - пронизки-уточки
 19 - бляха-нагрудник
 20 - умбовидные бляшки

п. 26

- Погребальный инвентарь:**
 1 - бляшки
 2 - височные подвески
 3 - железный наконечник стрелы
 4 - стальсама
 5 - железный нож
 6 - кольцо
 7 - застежка
Состав ЖК:
 8 - эполетообразная застежка
 9 - бляха
 10 - бронзовые бусы-пронизки
 11 - многочастные бляшки

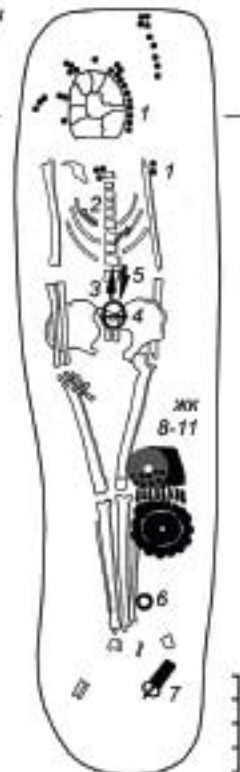
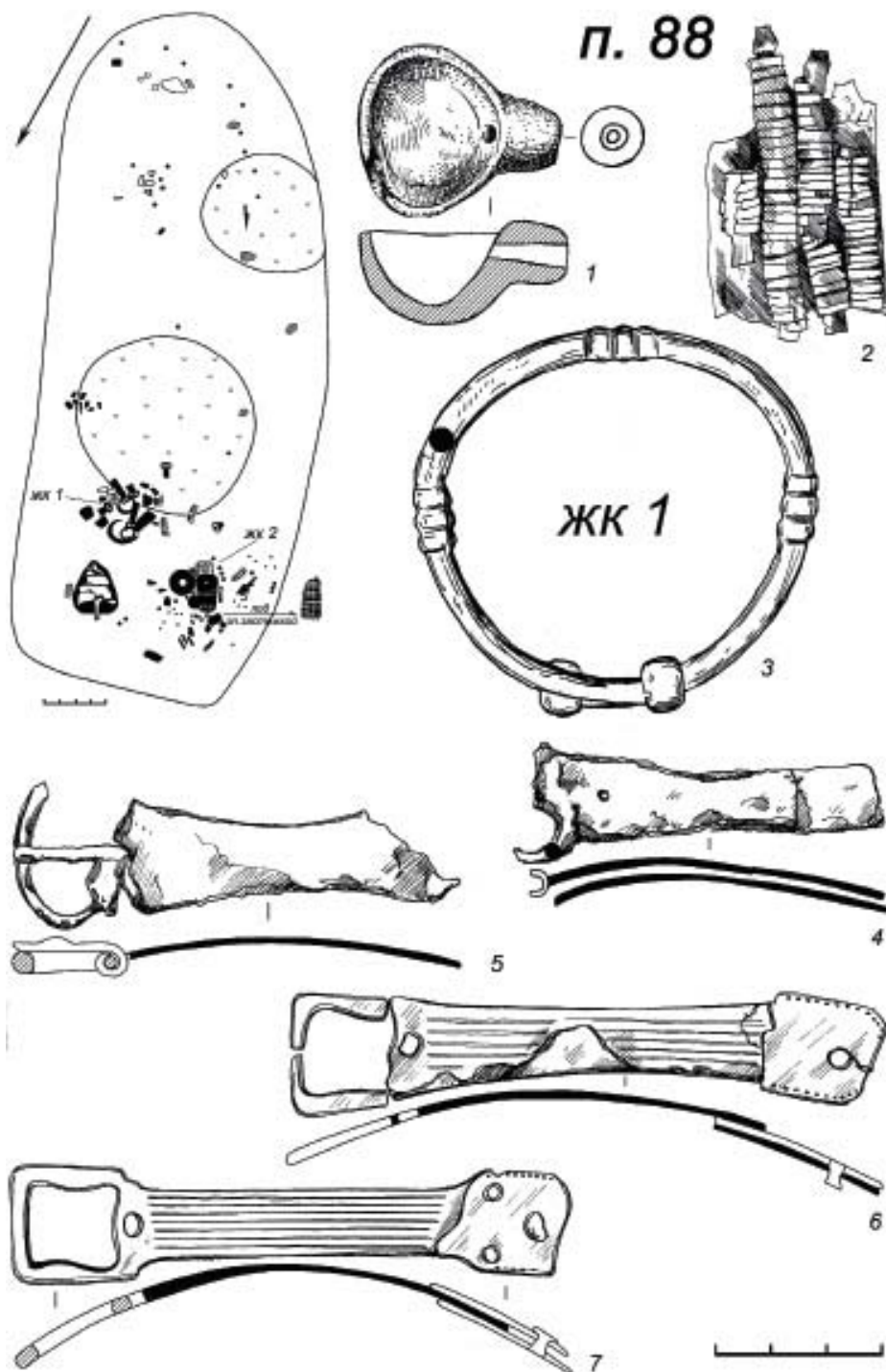

Рис. 2. Ошкинский могильник. Погребения с жертвенными комплексами

Рис. 3. Худяковский могильник. Погребение 88.
 Жертвенный комплекс 1: 1 – лялька; 2 – фрагмент пояса с пронизьями; 3 – браслет;
 4-7 – пряжки. 1 – глина; 2 – кожа, бронза; 3, 5-7 – бронза; 4 – железо

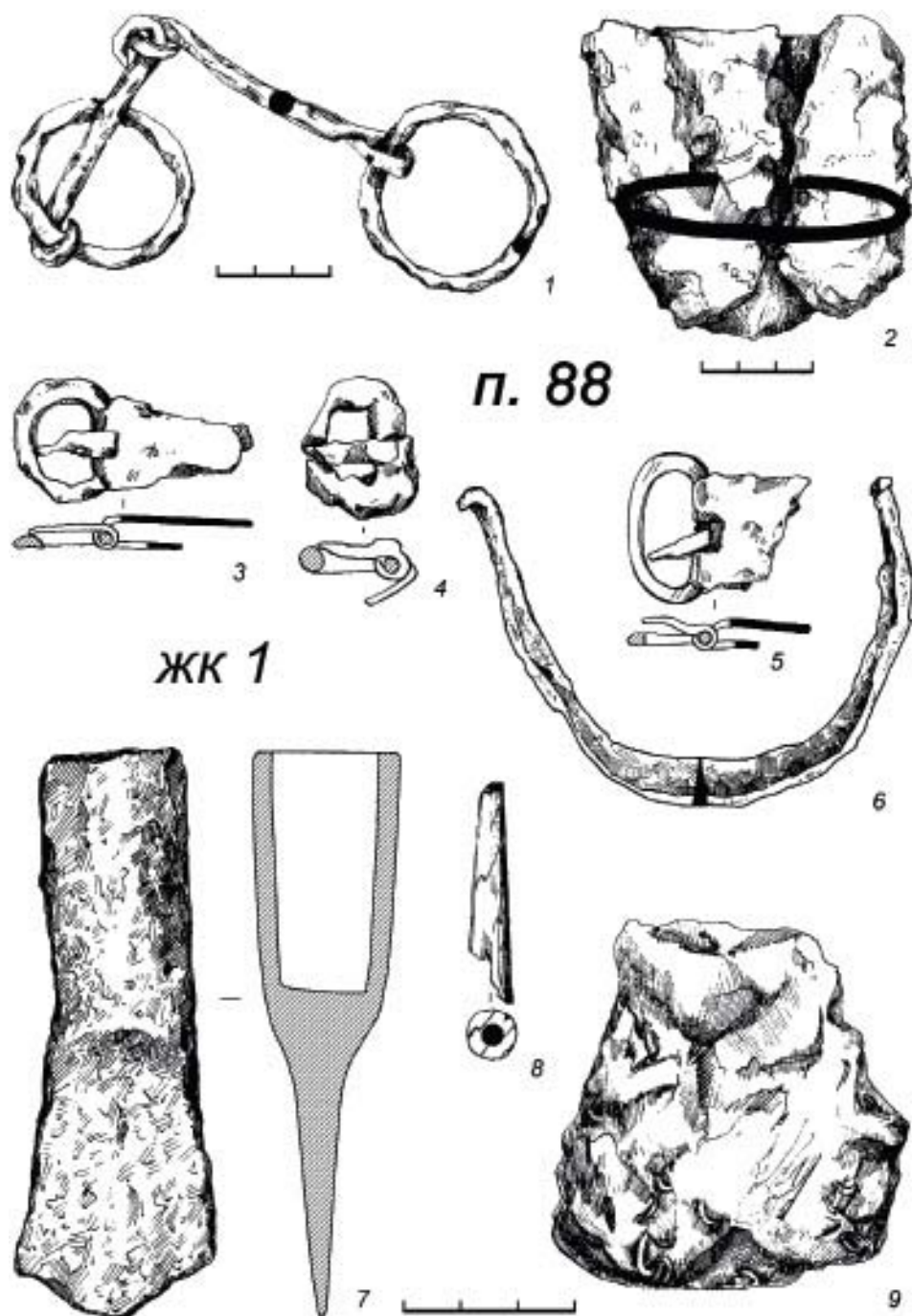

Рис. 4. Худяковский могильник. Погребение 88.
Жертвенный комплекс 1: 1 – удила; 2 – мотыжка; 3-5 – пряжки; 6 – скобель;
7 – топор; 8 – фрагмент изделия; 9 – спекшийся фрагмент кольчуги и лома цветного
металла. 1-4, 6, 7 – железо; 5, 9 – бронза, железо; 8 – дерево, железо

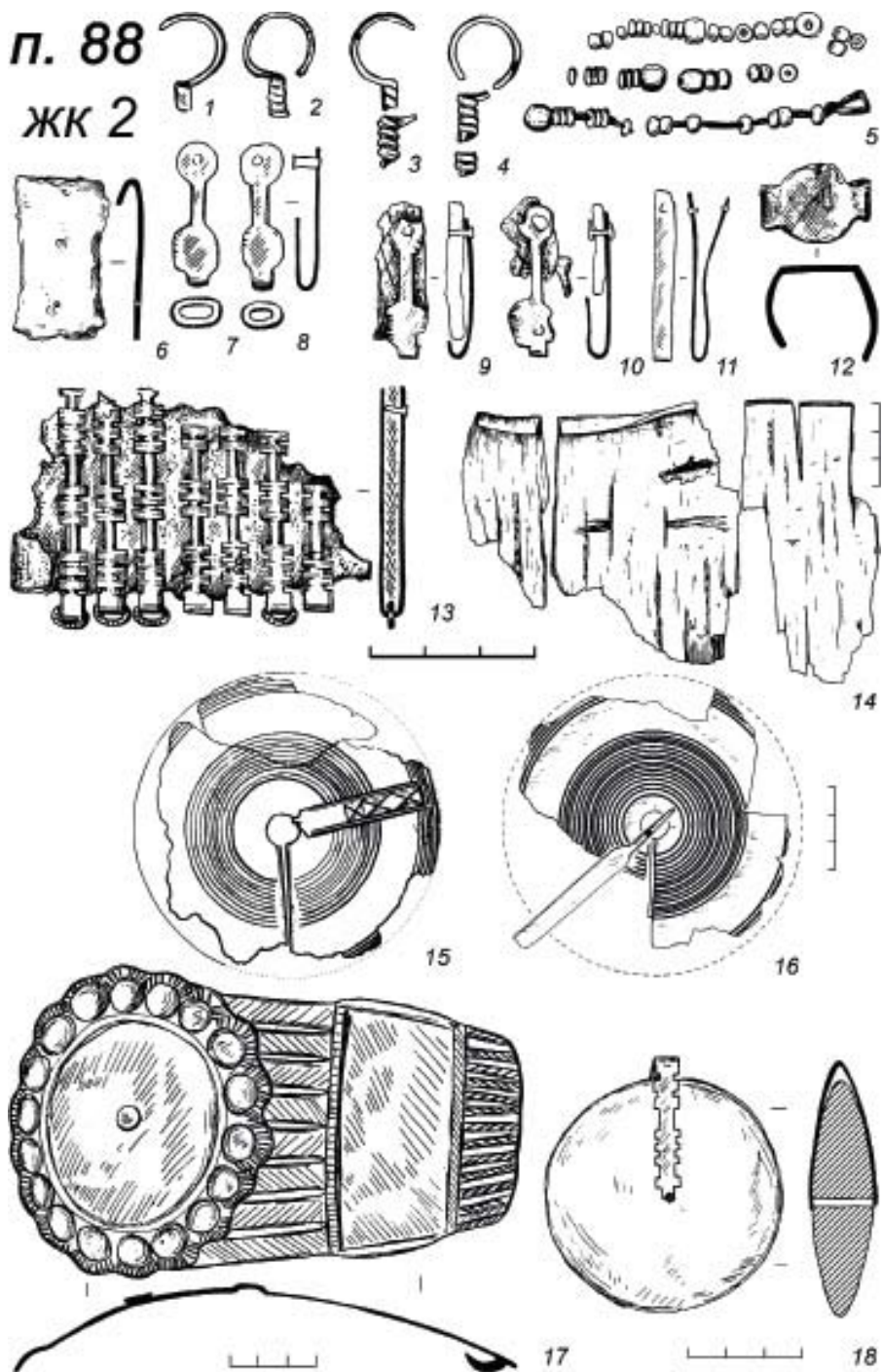

Рис. 5. Худяковский могильник. Погребение 88.

Жертвенный комплекс 2: 1-4 – височные подвески; 5 – бусы, бисер; 6 – фрагмент изделия; 7-11 – накладки; 12 – перстень; 13 – фрагмент пояса; 14 – фрагмент контейнера для ЖК; 15, 16 – бляхи-застежки; 17 – эполетообразная застежка; 18 – диск.

1-4, 7, 8, 11, 12, 15-17 – бронза; 5 – стекло; 6 – железо; 9, 10, 13 – бронза, кожа; 14 – береста; 18 – халцедон, бронза

характерных для мужского захоронения: обувные пряжки, чаще входящие в мужской набор, удила, топор, скобель, кольчуга и т.д. (рис. 3, 4). Рядом с этим ЖК находился шлем. Второй ЖК включал женский набор инвентаря: височные подвески, пояс с эполетообразной застежкой, бисер и другие предметы (рис. 5). При этом в погребении в области фрагментов черепа и зубов зафиксированы бусы. Из всех возможных вариантов интерпретации более реалистичным в данном случае выглядит предположение, что захоронение было парным. Не противоречат этому и размеры могилы 349×146 см и наличие двух углестых пятен. Сложности возникли и с антропологической идентификацией пп.45, 94 Тюм-Тюмского могильника (см. далее).

Возвращаясь к характеристике ЖК по признаку антропологической принадлежности, стоит констатировать, что из 24 ЖК 15 сопровождали женские захоронения (62,5%) и 9 ЖК – мужские (37,5%). Возможности провести полный половозрастной анализ вятских погребений с ЖК нет, но можно отметить, что, по крайней мере, в женских захоронениях ЖК встречаются во многих возрастных группах: 11 лет (Ошкинский могильник: п.12), 16–18 лет (Ошкинский могильник: п.28), 25–35 лет (Ошкинский могильник: п.26; Суворовский могильник: п.5); 50–60 лет (Первомайский могильник: п.1). Если рассмотреть соотношение женских и мужских захоронений с ЖК по хронологическим периодам, то во II в. (4 захоронения) ЖК встречаются только в женских погребениях, в III в. (6 захоронений) – количественное соотношение: 4 женских – 2 мужских; IV – нач. V в. –

6 женских к 4 мужским погребениям с ЖК. Сочетание женских и мужских ЖК примерно в таких же пропорциях встречается и на нижнекамских азелинских могильниках: Рождественский V могильник: 4 женских (пп.8, 23, 33, 173) – 2 мужских (пп.73, 235) (Старостин, 2009).

Корреляция захоронений с ЖК по признакам «антропологическая принадлежность» и «тип контейнера» показала, что для мужских ЖК характерно большее разнообразие типов контейнеров: кожаные, тканевые емкости, если берестяная емкость, то в форме кошеля. Только для женских ЖК использовалась перевернутая эполетообразная застежка, а более традиционной формой был берестяной короб, туесок. Существенных различий по антропологическому признаку в местоположении ЖК в погребениях нет. И для женских, и для мужских ЖК общая тенденция – преимущественное расположение в области ног, но если мужские ЖК зафиксированы только «в ногах», то женские ЖК – чаще в области колен, костей голени справа, слева, между ногами.

Состав ЖК напрямую связан с антропологической характеристикой погребенного. Для женских захоронений (табл. III) типична бронзовая пластика основных элементов костюмного комплекса. Чаще встречаются шейно-нагрудные украшения: различного вида пронизки, бусы, бисер, с III в. – халцедоновые диски, бляхи, нагрудники, подвески, металлическая гарнитура пояса. Реже зафиксированы детали головного убора (височные подвески, налобные венчики, шапочки) и браслеты. В единичных случаях встречаются гривны, перстни. Нередко комплект украшений дополнялся

ножами, шильями, в исключительных случаях – гребешком, серебряным блюдцем. Категории украшений, входящие в состав женских ЖК II – нач. III в. (Ошкинский могильник), не дублировали элементы погребального костюмного комплекса, а сам состав ЖК был более богатым. Чаще не повторялись составы ЖК и костюма и в III в. (Худяковский могильник), иногда только дублировались бусы и элементы поясной гарнитуры. Эта тенденция характерна и для ЖК IV в. Первомайского и Тюм-Тюмского могильников. Можно сказать, что во всех перечисленных случаях в ЖК входили, как правило, дополнительные элементы костюмных наборов. Несколько иная картина прослеживается в Суворовском могильнике. Погребения с ЖК (пп.5, 28) отличаются богатством бронзовой пластики погребальных костюмов. При этом в п.28 шапочка из ЖК полностью дублировала головной убор погребенной. Один из ЖК п.5 с бронзовыми украшениями по категориям вещей частично совпадал с основным набором захоронения, но уступал ему в количестве и выразительности. В сочетании со вторым ЖК, где присутствует инструментарий ювелира, он скорее воспринимается как набор готовой продукции, заготовок мастера (Генинг, 1963, с. 111–112, 122–123). Кроме ЖК из п.5 Суворовского могильника, ЖК, связанный с профессиональной идентификацией погребенного, обнаружен и в п.45 Тюм-Тюмского могильника. Здесь в берестяном коробе зафиксированы предметы женского костюмного комплекса: браслеты, бисер, детали нагрудника, пронизки-уточки, пояс с накладками, кольцевидные подвески, бляхи, серебряное блюдечко.

Над ним – инструментарий, связанный с профессиональными занятиями в области цветной металлургии: наковаленка, напильник, нож, клещи, молоток (Ошибкина, 2010, с. 17–18). По составу ЖК погребение относится к группе захоронений «женщин-литейщиц» (смущают только находки «кос-горбуш», характерных для мужских погребений), которые встречаются кроме вятских могильников и в нижнекамской группе памятников азелинского типа – п.33 Рождественского V могильника (Старостин, 2009, с. 8–9, рис. 11), п.10 Нармонского могильника (Старостин, 2002, с. 14, рис. 12), п.30 Тетюшского II могильника (Бугров, 2004, с. 81–83).

В набор мужских ЖК (табл. IV) входило оружие: наконечники стрел, боевые топоры, редко «косы-горбуши», наконечники копий, мечи, при этом, чаще всего, оружие сопровождало ЖК, располагаясь рядом или над емкостью ЖК (Тюм-Тюмский могильник: пп.94А, 94Б, 102) (Ошибкина, 2010, с. 26–30, табл. 40–53). Нередко в ЖК входили элементы конской упряжи (Ошкинский могильник: п.14; Худяковский могильник: п.88), кольчуги (Худяковский могильник: п.88; Тюм-Тюмский могильник: п.102), орудия труда: топоры, скобели, мотыжки, инструментарий для металлургического производства (молотки, клещи, пробойники – Тюм-Тюмский могильник: п.102; льячка, лом цветного металла – Худяковский могильник: п.88). Особое своеобразие наборов мужских ЖК – довольно часто фиксируемые украшения. Среди них встречаются детали поясной, обувной гарнитуры, реже браслеты, перстни, халцедоновые диски. В Тюм-Тюмском могильнике повторяющийся элемент

мужских ЖК – зооморфные пронизки-уточки с фрагментами ремешков, с нанизанными на них пронизками, бисером (пп.79, 141). Во всех случаях они располагались в области пояса, в кожаном контейнере по типу кошель-сумочки, с возможным их креплением к ремню. Близкие украшения (пронизки-бубенчики на пронизях) встречались в мужских погребениях этого памятника без ЖК (пп.44, 118) (Ошибкина, 2010, табл. 17, 56). Вероятно, этот тип украшений в ЖК можно рассматривать как дополнительные элементы костюмного комплекса. Стоит заметить, что набор металлической пластики мужского костюмного комплекса по материалам Тюм-Тюмского могильника отличается большей выразительностью, чем на других памятниках: ажурные подвески, сьюлгамы, бляшки, гривны, перстни и т.д. Однако некоторые типы украшений в мужских ЖК Тюм-Тюмского могильника, вероятно, в большей мере отражают поминально-дарственные обрядовые действия по отношению к умершему мужчине со стороны женщины. Наиболее наглядный пример – парное захоронение п.94. Состав сопровождающего инвентаря (оружие, сбруя, котлы, шлем, инструменты) говорит о двух воинских захоронениях мужчин высокого социального положения. Вместе с тем в ЖК основного захоронения (косяк А) встречено много бисера (Ошибкина, 2010, с. 27). Еще более интересное захоронение 94Б – над скоплением оружия зафиксированы фрагменты женского головного убора, коньковая подвеска, 3 разбитых халцедоновых диска, нож и шило (Ошибкина, 2010, с. 28). Именно находки головного убора, который всегда выступал как сложная знаковая

система этнической, половозрастной, социальной идентификации женщин, наталкивают на возможность различных трактовок женского типа ЖК в мужском захоронении. Во-первых, при отсутствии антропологических определений, есть вероятность, что это захоронение женщины, принадлежащей к высокой социальной стратум-тумского общества с проявлением значительной степени милитаризованности в условиях активных этнических контактов в Камско-Вятском междуречье в эпоху великого переселения народов. С другой стороны, есть аргументы рассматривать это как своеобразный поминальный дар мужчине от женщины. Находки украшений встречаются и в других мужских погребениях Тюм-Тюмского могильника, к примеру в п.79 в засыпи могилы найдено типичное женское украшение – арочная шумящая подвеска в меховом чехле (Ошибкина, 2010, с. 24, табл. 35–1). Женские по набору ЖК (чаще всего бусы, бисер и височные подвески) характерны для мужских (по антропологическим определениям) погребений пьяноборского Тарасовского могильника I–V вв. н.э. на Средней Каме (пп.15, 36, 65, 101а, 128 а, 137, 1004 б; Голдина, 2003, т. I, II). Это явление отмечается для рязано-окских могильников первой половины I тыс. н.э. (Белоцерковская, 1997). Возможно, что помещение в могилу не только отдельных височных, шейных женских украшений, а целого головного убора имело более глубокий семантический смысл, чем просто «дар».

Упомянутые параллели с Тарасовским могильником по признаку ЖК не случайны, прежде всего, по факту принадлежности памятников Уд-

муртского Прикамья и Камско-Волго-Вятского междуречья в первой пол. I тыс. н.э. к пьяноборской культурно-исторической общности на уровне локальных вариантов. Кроме того, хронологический период функционирования Тарасовского могильника, I–V вв. н.э., совпадает со временем выявленных на сегодняшний день погребальных памятников худяковской археологической культуры – вятского локального варианта пьяноборской общности (Лещинская, 2012). Сравнение вятского комплекса погребений и выборки захоронений с ЖК Тарасовского могильника, проанализированной Т.Р. Сабировым (2011, с. 51–54, табл. 42–47, диаграммы 32–35, рис. 23), показывает, что степень встречаемости ЖК в пьяноборских погребениях Средней Камы значительно выше (17,3%), чем на Вятке (4,6%), но распределение погребений с ЖК по хронологическим периодам имеет общую тенденцию: возрастание доли ЖК к позднему пьяноборью. Так, сопоставив выборку тарасовских погребений с ЖК (Сабиров, 2011, табл. 42) с вещевыми комплексами (Голдина, 2003) мы можем констатировать, что только 23,9% ЖК относится ко II – самому началу III в., а 76,1% – это погребения с ЖК середины III – V в. н.э., при этом пик встречаемости ЖК, также как и на Вятке, приходится на IV в. Близкие выводы были получены и О.В. Арматынской при характеристике ЖК погребальных памятников Удмуртского Прикамья II–V вв. н.э. (1987, с. 69, 72) – при высоких показателях встречаемости ЖК в погребениях, только 10,3% захоронений к началу III в. содержали ЖК.

К всеобщим признакам ЖК сравниваемых территорий относится со-

четание ЖК с ингумацией; помещение в погребение чаще всего одного ЖК; более высокая степень корреляции ЖК с женскими захоронениями, чем с мужскими. Локальная специфика погребений с ЖК больше фиксируется по признакам местоположения ЖК относительно костяка и составу ЖК. Так, если на вятских могильниках преобладает позиция ЖК в области ног (52,6%), то для среднекамских некрополей более выражена тенденция размещения ЖК в области головы (справа, слева, изголовье): 41,6% погребений с ЖК на Тарасовском могильнике (Сабиров, 2001, с. 52, диаграмма 33), 76,3% в мазунинской группе памятников Камско-Бельского междуречья (Останина, 1997, с. 26). В составе ЖК пьяноборских памятников Средней Камы и низовьев р. Белой преобладают украшения костюмного комплекса, чаще всего височные подвески, бисер, бусы, чуть меньше браслеты, накладки, пронизки, фибулы, реже встречаются мелкие бытовые вещи (Сабиров, 2011, с. 53, рис. 24; Арматынская, 1987, с. 71; Останина, 1997, с. 26). В отличие от этого вятские наборы ЖК более разнообразны и включают орудия труда, оружие, элементы конского снаряжения, а в состав бронзовой пластики костюмных комплексов чаще входят шейно-нагрудные украшения, реже – детали головного убора. Больше вариантов на Вятке и типов контейнеров для ЖК, в отличие от использования только берестяного короба на среднекамских памятниках.

Определенные параллели вятских погребений с ЖК уместно провести и с материалами Красноярского могильника I–V вв. н.э., который расположен в бассейне р. Тулвы, левого притока

р. Камы, – археологической области, которая в свое время В.Ф. Генингом рассматривалась как территория особой осинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э., Ю.А. Поляковым как локальный вариант гляденовской культуры. Автор раскопок Красноярского могильника О.А. Казанцева считает его гляденовским (2012, с. 52). Р.Д. Голдина находит перспективной идею рассматривать этот археологический микрорайон локальным (красноярским) вариантом пьяноборской культурно-исторической общности (1999, с. 254). При всей вариативности этнокультурных построений Красноярский могильник проявляет определенные параллели по признаку ЖК и с вятскими, и с камско-бельскими (чегандинскими) пьяноборскими могильниками. Помимо всеобщих признаков, характерных для большинства погребений с ЖК значительных территорий Камско-Вятского междуречья первой пол. I тыс. н.э., по степени встречаемости ЖК в погребениях (10,4%) Красноярский могильник занимает промежуточное положение между вятскими и чегандинскими некрополями, но по признакам «местоположение ЖК», где преобладает положение в области предполагаемой головы и «состав ЖК», где чаще фиксируются бусы, бисер (Казанцева, 2012, с. 25–26, табл. IV–VI) наибольшая близость проявляется с могильниками Удмуртского Прикамья и низовьев р. Белой.

В качестве общих итоговых замечаний по характеристике жертвенных комплексов вятских погребений первой половины I тыс. н.э. можно отметить, что при достаточно устойчивой тенденции его проявления в погребальной практике процент встречаемости захоронений с ЖК невысокий. Скорее всего, семантическое поле этого элемента погребальной обрядности было многоплановым. Для большинства женских погребений ЖК – это погребальный набор с дополнительными комплектами украшений и частей одежды. При этом порой фиксируется, что чем беднее сам погребальный костюм, тем выразительнее по составу ЖК (погребения с ЖК Ошкинского могильника), или наоборот (п.28 Суворовского могильника). Богатые воинские наборы ЖК могли символизировать особый социальный ранг погребенного, значимость которого особенно повышается в условиях активизации процессов взаимодействия. Вероятное назначение ЖК с орудиями труда, сырьем и готовой продукцией – профессиональная идентификация умершего. Женские ЖК в мужских захоронениях больше связаны с поминально-дарственными обрядовыми действиями. В наиболее общем виде все это ритуальные вещицевые комплексы с различными семантическими оттенками значения. Безусловно, стоит осознавать гипотетичность современных объяснительных реконструкций для погребальных традиций древности.

Таблица I

Встречаемость жертвенных комплексов в погребальных памятниках I–V вв. н.э. Вятского бассейна

Название могильника	Датировка	Общее число погребений	Количество погребений с ЖК	%
Ошкинский	кон. I – III в. н.э.	32	5 (пп.12, 14, 26, 28, 30)	15,6
Воробьевский	II–III вв. н.э.	4	–	–
Городищенский	II–III вв. н.э.	2	–	–
Худяковский	III – нач. IV в. н.э.	120	4 (пп.1, 84, 88, 100)	3,3
Кордон	III в. н.э.	24	–	–
Первомайский	кон. I – V в. н.э.	76	1 (п.1)	1,3
Азелинский	IV в. н.э.	19	–	–
Суворовский	IV в. н.э.	31	2 (пп.5, 28)	6,5
Вичмарский	IV в. н.э.	23	–	–
Уржумский	кон. IV – нач. V в. н.э.	2	–	–
Тюм-Тюмский	IV–V вв. н.э.	78	7 (пп.33, 45, 79, 94, 102, 134, 141)	9
Всего		411	19	4,6

Таблица II

Характеристика жертвенных комплексов

Название могильника	№ пп.	Дата погр. (вв.)	Пол, возраст	Кол-во ЖК в погр.	Тип контейнера									
					берестяной короб	берестяной «кошелек»	заворачивание в ткань и бересту	чехол из луба	кожаная емкость	заворачивание в ткань	прямоугольник из боевых топоров	эполетообразная застежка	не определено	
Ошкинский	12	кон. II – нач. III	Ж*, ребенок 11 л.	1					+					
	14	III	М, 50–60	2					+					+
	26	II	Ж, 25–35	1									+	
	28	II	Ж, 16–18	1									+	
	30	кон. II – нач. III	Ж*	1	+									

* Антропологическая идентификация по характеру погребального инвентаря.

Худяков-ский	1	III	Ж*	1															+		
	84	III	Ж*	1									+								
	88	III	М*	2						+											
			Ж*?								+										
100	III	Ж*	1																+		
Перво-майский	1	IV	Ж, 50–60	1	+																
Суворов-ский	5	IV	Ж, 25–35	2										+							
	28	IV	Ж*	1										+							
Тюм-Тюмский	33	IV	Ж*	1	+																
	45	IV	Ж?*	1																+	
	79	IV – нач. V	М*	1											+						
	94	IV	М*	3																	+
			М?*																		+
	102	IV – нач. V	М*	1																	+
	134	IV	Ж*	1																	+
141	IV	М*	1																	+	
Всего	19			24	3	1	1	5	1	1	2	2	1	2	2	1	2	2	3		

Таблица III

Характеристика женских жертвенных комплексов по составу предметов

Могилиники	Ошкинский				Худяковский				Перво-май-ский	Суво-ров-ский		Тюм-Тюмский			Всего						
	12	26	28	30	1	84	88	100		1	5	28	33	45?		134					
Датировка (вв.)	II – нач. III	II	II	II – нач. III	III	III	III	III	IV	IV	IV	IV	IV	IV							
Элементы жертвенных комплексов:																					
височные подвески					+			+													2
детали шапочки и налобных венчиков										+		+									2
зооморфные пронизки				+																+	2
спиралевидные пронизки	+			+	+							+		+							5
бронзовые бусы-пронизки			+	+																	2
стеклянные бусы, бисер	+			+	+				+			+		+		+					7
халцедоновые диски, бусы																				+	2

гривна										+					1
нагрудник	+		+		+			+		+			+		6
бляхи		+	+	+											3
бляхи-застежки								+				+			2
бляшки		+	+							+					3
подвески	+			+						+		+	+	+	6
пояс с гарнитурой					+		+	+					+		4
эполетообразные застёжки	+	+	+				+	+							5
пряжки						+						+			2
накладки										+					1
браслет						+			+	+				+	4
перстень							+								1
инструментарий, сырье металлурга										+			+		2
нож	+			+						+		+			4
шило												+			1
гребешок				+											1
серебряное блюдо													+		1

Таблица IV

Характеристика мужских жертвенных комплексов по составу предметов

Могильники	Ошкин-ский	Худяков-ский	Тюм-Тюмский						Всего
			№ погребений	79	94А	94Б	94В	102	
№ погребений	14	88	79	94А	94Б	94В	102	141	
Датировка (вв.)	III	III	IV – нач. V	IV			IV – нач. V	IV	
Элементы жертвенных комплексов:									
детали шапочки и налобных венчиков						+			1
зооморфные пронизки			+					+	2
спиралевидные пронизки			+						1
бронзовые бусы-пронизки							+		1
стеклянные бусы, бисер			+	+				+	3
халцедоновые диски, бусы					+	+	+		3
бляшки			+						1
подвески						+		+	2
пояс с гарнитурой		+		+					2
пряжки	+	+	+						3
накладки	+								1
браслет		+							1
перстень								+	1
наконечники стрел	+					+	+		3

наконечники копий					+			1
меч					+			1
боевые топоры			+		+			2
«косы-горбуши»						+		1
кольчуга		+				+		2
предметы конской упряжи	+	+			+			3
скобель		+			+	+		3
мотыжки		+						1
топор		+			+	+		3
инструментарий, сырье металлурга		+				+		2
нож	+				+			2
шило					+	+		2
сафьяновая кожа							+	1
бронзовые котлы					+			1

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арматынская О.В.* Жертвенные комплексы в погребальных памятниках Удмуртского Прикамья II–V вв. н.э. // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск, 1987. – С. 69–75.
2. *Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. – Вып. 93. – М., 1997. – С. 20–28.
3. *Бугров Д.Г.* Погребение женщины-«ремесленницы» из Тетюшского II могильника // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С.77–92.
4. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. – Вып. 5. – Ижевск, 1963. С. 7–8.
5. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск, 1967. – С. 7–84.
6. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
7. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Т. II. – Ижевск, 2003. – 724 с.
8. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). – Ижевск, 2010. – 494 с.
9. *Казаков Е.П.* Тетюшский могильник азелинской культуры // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань, 2009. – С. 31–44.
10. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012. – 180 с.

11. *Лецинская Н.А.* Некоторые итоги археологического изучения Вятского бассейна в I – начале II тыс. н.э. в связи с исследованиями В.Ф. Генинга // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.* – Ижевск, 2000. – С. 210–215.

12. *Лецинская Н.А.* Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. – Ижевск, 2000а. – 55 с.

13. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция.* – Ижевск, 2012. – С. 124–163.

14. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / *Тр. МАЭ.* – Т. V. – Йошкар-Ола, 1999. – 160 с.

15. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002. – 432 с.

16. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 327 с.

17. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. – М., 2010. – 211 с.

18. *Сабиров Т.Р.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме: Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011 / *Архив ИИКНП УдГУ.* – Ф. 4/1. – Д. 173.

19. *Старостин П.Н.* Нармонский могильник. – Казань, 2002. – 62 с.

20. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник / *Археология Евразийских степей.* – Вып. 9. – Казань, 2009. – 143 с.

21. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // *Железный век Марийского края / Тр. МАЭ.* – Т. 2. – Йошкар-Ола, 1962. – С. 7–187.

Информация об авторе:

Лецинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

«SACRIFICIAL SETS» OF THE PYANOBORYE BURIAL GROUNDS IN THE VYATKA RIVER BASIN

N.A. Leshchinskaya

A clearly defined element inherent in funeral traditions of the Finno-Ugric cultures in the period of the Early Iron Age to the Middle Ages, which was specified by V.F. Gening as a “sacrificial complex”, is considered in the study. The main features of the “sacrificial complexes” fixed in the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka River basin and dated by the 1st to 5th centuries AD are characterized. A comparative analysis with synchronous monuments of the Kama-Vyatka-Volga interfluvial area is conducted. The “sacrificial complex” word combination is used in the article as a descriptive term. The diversity of the concept’ semantics as applied to the materials from the Vyatka River region is pointed out by the author.

Keywords: the Vyatka River basin, 1st– 5th centuries AD, the Pyanoborye cultural-historical community, burial grounds, funeral rite, “sacrificial complexes”.

REFERENCES:

1. Armatynskaia, O. V. 1987. In *Novye arkheologicheskie issledovaniia na territorii Urala (New Archaeological Investigations in the Territory of Ural)*. Izhevsk, 69–75 (in Russian).
2. Belotserkovskaia, I. V. 1997. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 93. Moscow, 20–28 (in Russian).
3. Bugrov, D. G. 2004. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135 letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110 letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2–25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2–25 March 2004)*. Kazan: "Shkola" Publ., 77–92 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1963. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 5. Izhevsk, 7–8 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1967. In *Pamiatniki mazuninskoii kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).
6. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
7. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
8. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2009. In *Materialy i issledovaniia po srednevekovoii arkheologii Vostochnoi Evropy (Materials and Studies on the Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Kazan, 31–44 (in Russian).
10. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 24. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
11. Leshchinskaia, N. A. 2000. In Goldina R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologii: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*. Izhevsk. Udmurt State University, 210–215 (in Russian).
12. Leshchinskaia, N. A. 2000. *Oshkinskii mogil'nik – pamiatnik p'ianoborskoii epokhi na Viatke (Oshkinsky Burial Ground, a Site of the Pyany Bor Culture on the Vyatka River Bank)*. Izhevsk (in Russian).
13. Leshchinskaia, N. A. 2012. In *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Izhevsk: Udmurt University, 124–163 (in Russian).

14. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov)* (*History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by the Materials from Burial Grounds*). Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).
15. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkhelogicheskim materialam)* (*Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials)*). Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).
16. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute for the History, Language and Literature (in Russian).
17. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Moscow (in Russian).
18. Sabirov, T. R. 2011. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area III)*. PhD Diss. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 4/1, dossier 173 (in Russian).
19. Starostin, P. N. 2002. *Narmonskii mogil'nik (Narmonka Burial Ground)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
20. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 9. Kazan (in Russian).
21. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).

About the Author:

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru